

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В-82

*Любое использование материала данной книги, полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.*

Оформление обложки *Влад Воронин*

Врочек, Шимун

В-82 Как выжить среди принцесс: [авторский сборник] / Шимун Врочек. - Москва: Издательство АСТ, 2019. — 288 с.- (Легенда русского интернета).

ISBN 978-5-17-115223-9

Принцессе Злате 4 года, принцессе Василисе 12, их папа — писатель-фантаст, принцесса-мама работает в школе бухгалтером. Вместе с ними обитают британская кошка Фифа и три мыша-песчанки — Бублик, Джерри и Бурундук. Вернее, раньше обитали. Однажды три бравых мыша постарели и отправились на мышиное небо, полное зернышек кукурузы, массажа пузика и чудесных беговых колес...

И папа Златы и Василисы остался единственным мужчиной в семье. Теперь его задача — выжить среди принцесс.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-115223-9

© Врочек Ш., 2018
©ООО «Издательство АСТ», 2019

Трагедия (вместо увертюры)

Отправляли Василису в Уфу, к бабушке, до конца лета. Отправляли с родственницей жены.

Злата тоже решила ехать.

Рюкзачок собрала крошечный. Сложила туда колготки и штаны — что влезло. И еще какие-то книжки. Все, как у старшей сестры.

Надела футболку и джинсы. Взяла зонтик от дождя и розовую кепку.

Надела теплую красную жилетку, чтобы не было холодно в дороге.

Надела желтые носки (для красоты) и белые садииковские туфли (они удобные). Потом рюкзачок.

Примерилась к Василисиному чемодану (я буду тихо сидеть), но сказала со вздохом: я туда не влезу.

Поменяла планы. Никогда не сдаваться. Никогда.

— Лиса, без меня не уходи!

Посидела со всеми на дорожку. Вдохнула.

Вышла за дверь и деловито вызвала лифт для всех. Когда спустились, открыла дверь и держала двумя руками, чтобы все прошли. Вышла из подъезда — в темноту и штормовое предупреждение.

А когда поняла, что ее не берут в машину, в аэропорт, в самолет, к бабушке до конца лета, заплакала, стоя на тротуаре под дождем, и закричала на всю улицу:

— Лиса! Лиса!

Потом:

— Мама, мама!

Слезы и сопли лились потоком на красную жилетку на случай дождя.

Потому что вдруг трагически показалось, что мама тоже уезжает надолго, как Василиса.

И этого оказалось не пережить.

— Мама, мама!

Машина уехала. Злата осталась. С рюкзачком за спиной, с крошечным зонтиком, на руках у папы. Над головой гремел гром, сверкали молнии, шел дождь, шумели от ветра листья. Трагедия. Сопли и слезы сверкали на красной жилетке, словно бриллиантовое кольцо.

...А потом мы с ней, рыдая, пошли в магазинчик и купили зеленого зубастика. Потом, по-прежнему рыдая, пошли домой. В лифте, дружно всхлипывая, распечатали коробочку с зубастиком. Входя в квартиру, подхлюпывая носом, рассмотрели его хорошенько. Ничего так себе зубастик, в короне. Дома тепло и пахнет гречкой. И мама сейчас приедет из аэропорта. Совсем скоро.

И Злата развеселилась и перестала рыдать. А потом даже засмеялась и съела гречку. Почистила зубы и послушала книжку на ночь. Уснула, положив руку под щеку и сжимая папину ладонь. И улыбалась во сне, забыв про зубастика. Трагедия закончилась.

Да.

Но осень в сердце все-таки осталась.

Я знаю.

От Автора

Если я когда-нибудь соберу истории о Злате и Василисе в книгу, это будет прологом. Хотя, может быть, слишком мрачно? Не знаю.

Но вообще, по ощущениям, это будет книга о детях. Но не детская. А скорее, взрослым о детях.

А начать, наверное, лучше с момента, когда двух моих девиц еще не было. Как в сказке. Однажды, давным-давно, будущий папа Златы и Василисы взялся подводить итоги одного странного года...

2004. ПРИНЦЕССА И ЗАМОК

— Почти поступил на очную режиссуру в ГИТИС, к Леониду Ефимовичу Хейфецу. Помню, как говорил о Сирано де Бержераке, а в глазах стояли слезы. Стриженный налысо, в синей рубашке с закатанными рукавами. За десять минут до этого меня размазали по полу. Опытный режиссер нащупает твои болевые точки очень быстро. А там были суперпрофи. Следующие девять минут я на живую лепил себя заново. Слепил. А потом говорил о Бержераке, который сначала бьет, а потом разбирается. Я показывал: кулаком — н-на! Но он еще поэт... А потом я прошел на конкурс. Меня поздравляли. Я уже считал себя студентом. А потом меня размазали по полу второй раз. На экзамене по актерскому мастерству. Чистая формальность, да? Из ГИТИСа я вышел мертвый. Вместо лица — гипсовая маска. Я рассыпался на ходу. И опять пришлось со-

бирать себя заново. Брать мастерок и намазывать раствор на битые кирпичи. Заняло это месяца три. Даже поступив на режиссерский факультет «Щуки» и закончив сессию, я все еще не был целым. А стал целым, когда...

— ...понял, что люблю одну, определенную женщину. Понял, что другие мне не нужны. И понял, что обычное мужское «хочу вон ту» останется при мне навсегда. Но это уже ничего не значит. Когда на тебя наступают мамонты, танк «Тигр» и полчища киборгов Аттилы — а раствор плохой, стены кривые и четвертая башня недостроена, и, мать вашу за ногу... где же подмога?! Нет подмоги. И вдруг слышишь женский голос. И видишь тонкую фигурку на балконе, обвинительным плуцком. И понимаешь, что сдаваться нельзя. Подмоги не будет, но есть она — принцесса твоего разрушенного замка. А ты — ее верный, хоть и разрушенный, замок. И тогда кривые стены держат удар, словно цельный гранит. И деревянные ворота с почерневшими створками хватаются за таран, как живые руки. И сдавленно рычит танк «Тигр», на который рухнула четвертая башня... Тогда мамонты, киборги Аттилы и все в мире танки могут идти лесом.

Потому что эта принцесса — моя жена, а я ее верный, хоть и разрушенный, замок.

— Поступил на заочную режиссуру «Щуки». К тому же самому Хейфецу. На коллоквиуме говорил с ним «за жизнь». «Какое событие вызывает у вас наибольшую боль?» Надо бы понять. Это важно. Важнейшее качество режиссера — восприятие. Когда чужую боль — как свою собственную. Впрочем, об этом я узнал позже. А у меня перед глазами: трое мужчин несут младенцев. На заднем плане — школа. И дети — без воды. И ощущение чего-то громадного, неподъемного, которое надо повернуть, чтобы осмыслить или хотя бы окинуть взглядом. Физическое ощущение беды. Гулкое такое. Громоздкое, как огромный лист жести, который и уронить

нельзя, и перехватить поудобней не получается. Лист срывается и углом — по горлу.

Я и сказать-то ничего не смог. Пару слов выдавил. А Хейфец — понял.

— И я понял. Понял, что не могу не писать. Полгода до поступления на режиссуру я не писал ничего. Выматывался на актерском. Учился тогда на очном. Приходил домой и падал. А моя принцесса смотрела на внешне еще целехонький замок, и ей было не до смеха. Чувствовала — в подвалах замка завелись крысы. И — грызут. Крыс звали Зависть, Не-наиграй и Таких-не-берут-в-космонавты. Завидовал другу, который играл легко и свободно. А рядом я, каменный истукан, с одной мыслью в извилине: «Не наиграть, главное — не наиграть!» Худший враг актера — самокопание.

Самоедство. Иногда полезно отключить мозги и — как ребенок. А я думал: ну его-то понятно. А меня почему взяли на актерский? С моей-то рожей?! И была четвертая крыса, четвертая голова Крысиного Короля. Я перестал писать. Перекрыл воображению кислород. Фантазии указано ее место — этюды. Здесь и проявляйся. А это оказалось ошибкой. Этюд — это учеба. Он должен быть прост и жизнен. Очень сложно сыграть пограничные ситуации. Легче соврать. А главная цель этюда — приучить тебя существовать на сцене правдиво. Поэтому — будь проще.

А воображению требовались пограничные ситуации.

Замок ветшал. Я чувствовал это и искал выход. Режиссура казалась ближе. Я пошел поступать. Изгрызенный изнутри, замок рухнул после пяти минут собеседования. А потом я собрал из груды камней некое подобие крепости. И заговорил про «Сирано...

— ...де Бержерак» Эдмона Ростана. Трагедия носатого поэта, который... Впрочем, история всем известна. Но что стоит за ней? Кто он, Сирано? Так ли проста эта история? Мне

нравилась пьеса. Мне нравилась сама мысль — вот он я, некрасивый, но жутко талантливый, прячусь за красивой маской. Потом страдаю. Потом умираю. А потом смотришь со стороны — и выходит, что Сирано — трус, которому не хватило смелости признаться. Но героическая смерть так волнует юношей... «И когда об этом вдруг узнаешь ты — тогда поймешь, кого ты потеряла!» В любимых крысах Сирано я узнавал своего Крысиного Короля.

А потом я прочитал книгу Анатолия Эфроса «Профессия: режиссер». Сирано там уделено немного. Страницы три. Эфрос размышляет, как бы он снимал фильм по Ростану. Приведены в пример две сцены. Все. Две сцены, три страницы — и я пропал. Потому что влюбился в пьесу, еще ни разу ее не прочитав. А когда прочитал — влюбился еще раз. И еще.

— Сделал предложение. Вообще, это она меня вынудила. Говорила, казалось бы, в шутку: мама, меня никто замуж не берет! А разбитый в грудь камней замок пытался утешать. Только принцессе были нужны не утешения. Принцесса хотела здесь жить. Пройти в белой фате. В конце концов: стойка на одном колене и кольцо были бы не лишними! А замок не мог поверить, что голые камни и сквозняки ее не пугают. Уходил от ответа. Говорил: я — властелин колец! Принцесса смеялась. Но однажды не выдержала и расплакалась. «Ты меня замуж не берешь! Ну и не надо! Дурак такой!» И замок сложил к ногам принцессы свои камни.

И до сих пор этому рад. Дурак такой.

— Свадьба. Это особая история.

— Режиссура. Оказалась не просто ближе. Но об этом в другой раз. Пока что я...

— ...читал принцессе вслух Стивена Кинга. Принцесса гладила животик и требовала еще. Животик острый. По всем приметам — мальчик. А УЗИ — врет, наверное. Замок, в ко-

тором идут белые четкие куски вперемешку со старыми потемневшими и достраивается четвертая башня... Замок, который замазал раствором ходы для Крысиного Короля... Замок рассказывал принцессе страшную волшебную сказку. Сказка называлась «Глаза дракона». В ней были принц Питер и чародей по имени Флегг. Чародей только что убил мать Питера. Принц играл с кукольным домиком своей мамы. А король Роланд смотрел на игру Питера и вспоминал умершую любимую жену. Принцесса сказала: «Как грустно». Потом сказала: «Еще!» А замок делал вид, что у него першит в горле, и ходил на кухню пить чай. Ему было хорошо. Он играл в этой сказке. Легко и свободно.

— Буквально несколько часов назад, в 7.45 утра, у меня родилась дочь. А мамонты, танк «Тигр» и киборги Ганнибала идут лесом.

Потому что в замке появилась еще одна принцесса.

*30 декабря 2004
Нижневартовск*

1. Ускользящая красота и другие диалоги со Златой

О ПОЭЗИИ

Суббота, утро. Дочь тормозит меня идти гулять, а я никак не могу проснуться.

Злата (три года) — грустно:

— Все качельки ждут меня, а ты не встаешь.

Представил грустные качельки, ждущие Злату, и чуть не заплакал.

ВСЕ ТАЙНОЕ СТАНОВИТСЯ...

Жена с дочкой возвращаются с прогулки. На дверях висит объявление. На фото мужик в бейсболке и надпись «ПОХИТИТЕЛИ ВЕЛОСИПЕДОВ». Недавно в нашем подъезде несколько велосипедов вынесли с лестничной площадки. Злата спрашивает: «Кто это?» Жена объясняет: это плохой дядя, вор.

Злата, глядя на фото, совершенно серьезно:

— Очень похож на нашего папу.

Занавес.

ВОЗРАСТ УЛЫБОК

Злата с очередным философским наблюдением:

— Когда я была маленькая, мама улыбалась.

Я:

— А сейчас не улыбается?

Злата, подумав:

— Улыбается...

Просветлев, девица радостно вытягивается на кровати:

— Я — маленькая!

БУДУЩЕЕ

Злате три года, пора задуматься о будущем.

— Когда я вырасту, я буду Микки-Маусом. Смешным. С ушками на голове. И в красивых белых перчаточках!

КОЛЬЦО ВСЕВЛАСТИЯ

Младшая девица учудила. Укладывал ее на дневной сон. Она меня обнимает крепко-крепко и шепчет: «Моя прелесть». А потом начинает смеяться мелким зловещим смехом. Почувствовал себя странно.

ДЕТСТВО ГИНГЕМЫ

У Златы в очередной раз поменялись жизненные приоритеты. Еще недавно она собиралась стать смешным Микки-Маусом в белых перчаточках, балериной в розовых туфельках... Сегодня: я вырасту и буду феей. С крылышками и волшебной палочкой. Правда, папа? Я сделаю тебе большой дом!

Ну, почему нет-то?

А потом бегала по квартире в крылышках (достались от старшей сестры) и с карандашом (это волшебная палочка) и превращала всех в лягушек.

И тут я что-то заподозрил...

ЗЛАТА И СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО

— Я боюсь черного квадрата... Он такой страшный!

— Э-э... Черный квадрат? А где ты его видела?

— В гостиной. Я больше не хочу его смотреть.

Заинтригованный папа, который совершенно точно не вешал картин Малевича в гостиной, идет и обнаруживает там... черный квадрат.

Черт побери. Действительно. Выключенный телевизор.
— Он такой страшный! — говорит Злата. — Такой!
Малевич был гений.

УСКОЛЬЗАЮЩАЯ КРАСОТА

Папа интересуется жизнью дочери:

— Кто у тебя друзья в садике?

— Валя, — говорит Злата.

— Ясно, Валя. А еще кто?

— Тема. Он красавчик.

— Э-э... красавчик?

— Да, как ты, папа!

Пауза.

— Ну, ладно.

ПОВЕЛИТЕЛЬНИЦА МОЛНИЙ

Злата непонятно где и как освоила два патетических возгласа.

1. «Вы что, с ума сошли?!»

2. «Хватит! Мне за вас стыдно!»

Применяет она их в совершенно неожиданные моменты, но всегда точно по интонации. Спорим с женой, скажем, о чем-то — о сериале «Игра престолов», например. И начинаем чуть ли не ругаться. Пес то, Пес это. «Да не мог он!» Голоса повышаем.

И тут Злата:

— Вы что, с ума сошли?!

И тут уже не до споров. Тут надо бороться со смехом, потому что Злата обижается, когда над ней смеются.

Или, например, заходит разговор со старшей дочерью, почему в комнате беспорядок, одежда скомкана, сколько можно, наконец! Эмоции блещут и сверкают. Воздух звенит от реплик.

И тут снова вступает никем не замеченная Злата — с воздеванием рук:

— Хватит! Мне за вас стыдно!

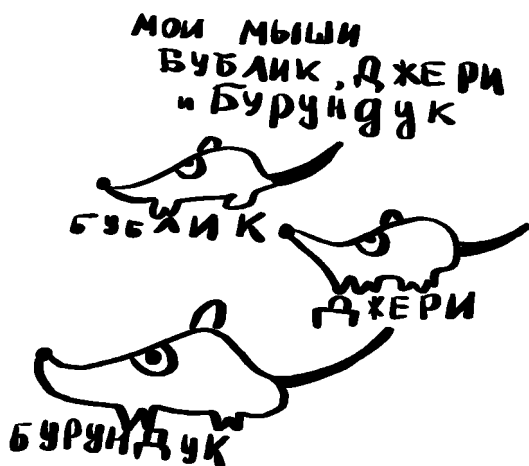
И сразу тишина, сдавленный смех, разрядка. Молнии утихают.

И действительно, как-то немного стыдно.

2. Эпик от Василисы

Разбирал записи на телефоне и обнаружил заготовки для целой серии эпического фэнтези.

Василиса (тогда ей было девять лет) по дороге на хор рассказала мне сюжет волшебной истории. Героями ее стали три мыша-песчанки, три друга. Вот, кстати, и они (иллюстрация Василисы):

А вот сама история: